

- [И. Спасский](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

И. Спасский

Митрополит Петр Могила. Его борьба с иезуито-униатским влиянием на Украине и в Белоруссии

Имя Петра Могилы — одно из лучших украшений нашей церковной истории Митрополит Макарий (Булгаков)¹

Петр Могила, Митрополит Киевский и Галицкий, был неутомимым борцом за православие в той чрезвычайно тревожной и опасной исторической обстановке, в которой оно оказалось на Украине и в Белоруссии в XVII веке. Петр Могила, несомненно, превосходил современных ему иерархов не только Русской Православной Церкви, но и всей Церкви Восточной: превосходил своим просвещением, своею любовью к просвещению и своими подвигами на пользу православия. Родился он 21 декабря 1596 г. в семье молдавского господаря, носившего фамилию «Могила». Фамилия эта по своему филологическому смыслу соответствует русской фамилии князей Холмских и происходит от молдавского слова *mohila*, означающего холм, возвышенность (на современном румынском языке *movila*). Домашнее образование Петр Могила получил от учителей Львовского православного братства, организовавшегося еще в 1586 г. для борьбы за православную веру и национальные права против польско-католической агрессии. Гор. Львов находился недалеко от молдаво-влахийских владений, и Львовское братство, нуждавшееся в материальных средствах, нередко обращалось к единоверным молдавским господарям с просьбами о материальной поддержке. Дядя Петра Могилы, молдавский господарь Иеремия, был щедрым жертвователем Львовского братства, покровителем и посредником в недоразумениях, возникавших у братства с Львовским епископом Гедеоном Балабаном. Отец Петра Могилы Симеон, став господарем Молдавии после смерти своего старшего брата, также делал в Львовское братство большие вклады. С своей стороны и братство оказывало Могилам исключительное внимание — устраивало торжественные встречи, посвящало книги, выходявшие из братской типографии, записывало их имена в синодики, и, когда была закончена постройка братской церкви Успения Богородицы, на главном ее куполе имена Иеремии и Симеона Могил были начертаны золотыми буквами, как имена главных храмоздателей. Трудно сказать наверняка, проходил ли воеводич Петр Львовскую школу в качестве ее воспитанника в обычном смысле этого слова, наряду с прочими учениками. Скорее можно думать, что Львовская школа выделила из своего профессорско-преподавательского состава подходящих для этой цели преподавателей и те воспитывали и обучали юного воеводича в его родительском доме. По окончании школьного курса Петр Могила отправился за границу и заканчивал свое образование в Парижском и других старинных университетах Западной Европы. Учителя Львовской школы и родовые традиции навсегда определили строго православные взгляды Петра Могилы, несмотря на пребывание в западноевропейских университетах, а вступление Могил на молдаво-влахийское господарство обязывало их еще более быть верными интересам православия в управляемой стране. После объявления унии в Польше и Литве (1596 г.) пропаганда католичества усилилась также и в Молдаво-Валахии. В такой боевой обстановке своего детства и юности Петр Могила очень рано понял, что вопросы прадедовской религии служат самым важным элементом национально-культурной самостоятельности. В своих воспоминаниях он описывает несколько случаев столкновения с католичеством, которые показывают, что уже в детские и юношеские годы Петр Могила был твердо убежден в истинности православия и в его превосходстве над католичеством. Выходец из военно-феодалного класса, воеводич Петр, получив

университетское образование, поступил на военную службу в польскую армию, участвовал в войне против турок в 1620—1622 гг., причем принимал участие в битве 1621 г. у г. Хотина, в которой туркам был нанесен настолько чувствительный урон, что они были вынуждены заключить невыгодный для них мир. Хотин — крепость на берегу реки Днестра, сооруженная еще генуэзцами в XIII веке, находился потом в руках молдавских господарей, которые расширили ее и укрывались здесь от нападений турок. После смерти господаря Стефана турки завладели Хотинем, и в XVII веке он имел большое значение в войнах русских и поляков с турками, переходя попеременно в руки молдаван, поляков, украинских казаков и турок. Поступление молдавского воеводича на польскую военную службу объясняется тем, что и отец и дядя его, Симеон и Иеремия Могилы, добились господарства при поддержке Польши, вопреки желанию турецкого правительства, которое поддерживало другого претендента — Кантемира. Род Могил был связан и родственными связями с знатными фамилиями Вишневецких, Потоцких, Корецких и другими, но, не в пример этим ополяченным родам русских магнатов, всегда оставался верен православию. В связи с неудачами, постигшими Могил в молдавско-влахийских землях, в частности, после удаления от власти Симеона Могилы, дети его поселились в Польше и, отдавшись под покровительство ее коронного канцлера и гетмана Жолкевского, поступили в 1617 г. на военную службу. В 1620 г. Жолкевский погиб в битве с турками под Цецорой, и Петр Могила сблизился с гетманом Ходкевичем, убеждая его не чинить молдавам и валахам никаких насилий вере их отцов. Несмотря на успехи своей военной карьеры, Петр Могила тяготился иноверным обществом и вообще легкомысленной военной средой и тянулся к русскому народу, ведущему героическую борьбу за свое существование. Он часто посещает Киев, приобретает в его окрестностях поместья, сближается с Киевским Митрополитом Иовом Борецким, с которым он был дружен еще в годы своего учения. Частое общение с Митрополитом Иовом окончательно оформило взгляды Петра Могилы и указало путь его жизненной деятельности. В 1625 г. Петр Могила постригся в монахи и вошел в число братии Киево-Печерского монастыря. 8 апреля 1627 г. скончался архимандрит этого монастыря Захария Копыстенский, и после некоторой внутренней борьбы монастырская братия в 1627 г. избрала себе настоятелем тридцатилетнего молдавского воеводича, имевшего всего трехлетний стаж иноческого жития. Каким образом недавний офицер польской армии превратился в архимандрита первенствующего на юге православного монастыря? Такие превращения с внешней стороны в то время не были редкостью, ибо высшие иерархические должности, связанные с управлением большими вотчинами, замещались лицами из шляхетской среды и обычно раздавались королем. И тем не менее избрание и назначение Петра Могилы архимандритом Киево-Печерского монастыря было явлением чрезвычайным и притом положительным. В рассматриваемое время на Украине и в Белоруссии был уже осознан всеми серьезно мыслящими людьми глубокий вред, происходивший от замещения высших иерархических мест лицами со светскими привычками, не пристойными святительскому чину. Особенно характерным в этом отношении было дело епископа Владимирского и Брестского Иосифа — в мире князя Корнатовича-Курцевича, впоследствии архиепископа Суздальского ². Украинцы и белоруссы не раз просили польское правительство, чтобы им не назначали также иерархов из чужеземцев. Настоятельство в Киево-Печерском монастыре было для Петра Могилы привлекательно как средство борьбы с могущественными противниками, притеснявшими Православную Церковь и грозившими ей полной ликвидацией в пределах Речи Посполитой. Он был не единственным кандидатом на место настоятеля Киево-Печерской Лавры после кончины Захарии Копыстенского: этим местом пытались овладеть и униаты. Петр Могила понял, какую важность имеет православие для украинского и белорусского населения польско-литовского государства и решил отдать все свои силы, всю свою жизнь защите православия, стал

выразителем лучших надежд и национальных чаяний украинского и белорусского народов, вместе с тем оказав большую услугу и единой Москве.

II

С первых же шагов нового настоятеля Киево-Печерского монастыря стало ясно, что он будет ревностным последователем своих непосредственных предшественников — архимандритов Никифора Тура, Елисея Плетенецкого и Захарии Копыстенского, много заботившихся об управляемой обители и интересах православия во всем крае. С конца XVI века, вследствие гнета со стороны поляков и усилившейся иезуитской пропаганды, на первый план у православных иерархов выступают заботы о спасении веры, о борьбе с враждебными православию началами, организация школ, типографий, общественно-благотворительная деятельность в виде книгоиздательства и устройства богаделен. Ко времени избрания Петра Могилы настоятелем Киево-Печерского монастыря этот монастырь, по своему влиянию на ход церковных дел на Украине, занимал уже ведущее место и успел оказать православию значительные успехи. Имена трех непосредственных предшественников Петра Могилы по Киево-Печерской Лавре — Никифора Тура (1593 — 1599), Елисея Плетенецкого (1599—1624) и Захарии Копыстенского (1624—1627) занимают почетное место в истории просвещения и борьбы за православие. Буллой от 4 марта 1595 г. римский папа Климент VIII «предоставил» Киево-Печерский монастырь, дотоле самостоятельный, киевским митрополитам под условием их единения с Римскою Церковью, и на этом основании униатский митрополит Михаил Рагоза, при поддержке польского правительства, требовал от архимандрита Никифора подчинения себе, как начальнику, и присоединения к униии. Но Тур, прибыв на Брестский собор, был одним из руководителей той его части, которая отвергла униию и объявила митрополита Михаила Рагозу вместе с прочими епископами, подчинявшимися папе, лишенными сана и отлученными от Церкви. По требованию митрополита Михаила Рагозы, архимандрита Никифора вызвали на суд к королю Сигизмунду III, ярому стороннику католицизма, и он, естественно, определил передать Киево-Печерский монастырь во власть униатского митрополита, а архимандрита Никифора Тура низложить и удалить из монастыря. Однако выполнить это распоряжение оказалось не так просто: когда явился уполномоченный короля (Иван Кошица), перед ним были заперты лаврские ворота, и королевский посланец вынужден был удалиться, не выполнив данного ему поручения. Никифор Тур не только не пустил униатов в самый монастырь, но сумел отстоять и большую часть его вотчин от претензий на них униатского митрополита Михаила Рагозы. Эта борьба была очень важна, как отрицание униатских прав на древнейшую украинскую святыню православия и как твердое, мужественное стояние за него. Еще важнее была деятельность преемника Никифора Тура, архимандрита Елисея Плетенецкого. Продолжая борьбу с униией и католицизмом, он старался, в соответствии с особыми требованиями времени, восстановить в монастыре, по правилам св. Василия Великого, общежительный устав. Одновременно архимандрит Елисей Плетенецкий заботился о развитии просвещения: завел в Лавре типографию, купив ее у наследников Федора Юрьевича Балабана³, устроил «паперню», т. е. бумажную фабрику, в монастырской вотчине Родомысле, вызвал в Лавру ученых людей, знатоков и энтузиастов типографского дела — Захарию Копыстенского, Памву Берынду и Стефана Берынду, Тарасия Левковича Земку, Лаврентия Зизания Тускановского, проповедника и знатока древних языков, Иосифа Кирилловича, Гавриила Дорофеевича, Филофея Казаревича, виршеслагателя Александра Митуру, Тимофея Вербицкого и других лиц, с увлечением трудившихся при печатании книг в том или другом роде типографско-издательской работы. Архимандрит Елисей, заботливо сгруппировав в своем монастыре дружный коллектив типографских работников, выпустил с 1616 по 1624 гг. такое количество богослужебных и религиозно-полемических книг, направленных против униии, которое было не меньше

количества книг, изданных в то время самыми крупными братскими типографиями — львовской, острожской, виленской, не говоря уже о второстепенных вроде дерманской, луцкой и других. Архимандрит Елисей организовал при своем монастыре институт проповедников, сам «любовно их слушал и был примером», устроил школу, стоящую по объему преподававшихся в ней наук на уровне других подобных же братских школ. Елизавета Гулевичевна, богатая киевская шляхтянка, жена мозырского маршала Стефана Лозки, подарила свою землю в Киеве на Подоле (где сосредоточивалось киевское население, ибо старый город стоял почти пустым), предназначив ее для благотворительных и просветительных целей: устройства монастыря, школы при нем, гостиницы для странников православной веры. Затем образовалось братство, которое и занялось выполнением этих планов, причем архимандрит Елисей Плетенецкий и его сотрудники были главными проводниками этого дела; в конце 1615 г. был написан устав этого братства и в братство вписалось огромное число народа всех сословий — духовенства, мещанства, шляхты и все казацкое войско со своим гетманом Петром Сагайдачным. Преемником Елисея Плетенецкого был, по его указанию, архимандрит Захария Копыстенский, продолжавший просветительную деятельность своего предшественника по поднятию умственного и нравственного уровня монастырской братии, проповеди, по изданию книг, увеличив и количественно число братин до 800 человек. Получив это доброе наследство своих предшественников, Петр Могила поднял все виды просветительной деятельности Киево-Печерского монастыря на новую, небывалую еще высоту. Он энергично взялся за восстановление и возвращение монастырских владений; обладая твердой волей и решительным характером, не чуждаясь и крутых мер, всегда имел в виду только пользу врученного ему дела, устраняя препятствия, в немалом числе лежавшие на путях его деятельности. Требуя повиновения себе, как настоятелю, архимандрит Петр Могила был требователен и к самому себе, говоря, что ему, настоятелю «прежде всех подобает на церковном обрестись правиле, такожде и на всяком деле богодухновенном». По сообщению биографа Петра Могилы (инока киевского Выдубицкого монастыря Иакова), Могила «носил на себе острую, колючую власяницу и умерщвлял свое тело, стискивая его железным панцырем». Вступление Петра Могилы в управление Киево-Печерским монастырем совпало с некоторым улучшением в отношениях украинского казачества с польским правительством, и значительные круги казацкой старшины и украинского шляхетства стали склоняться к попыткам того или иного соглашения с униатами. Выражением этих настроений была, между прочим, деятельность Полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого, посвященного Иерусалимским Патриархом Феофаном во время пребывания его на Украине в 1620—1621 гг. После многих и мучительных колебаний архиепископ Мелетий окончательно перешел в унию и тем поставил себя вне православного общества. Соборы Киевский (1627), Гродекский (1628) и Львовский (1629) были посвящены этим попыткам к соглашению между униатами и православными. На этих соборах «великому архимандриту», как стал называться архимандрит Киево-Печерского монастыря, пришлось быть руководителем, и он доказывал бывшими уже примерами, что какие-либо соглашения в этом деле могут привести только к еще большему обострению отношений между православными и католиками. Управляя Киево-Печерской Лаврой, архимандрит Петр Могила заботился и о внешнем благолепии своей обители, украшал соборную монастырскую церковь, реставрировал и расширял пещеры, соорудил для почивающих там мощей новые гробницы, сделав на каждой надписи, и учредил строгий порядок для посещения пещер, в прекращение нередко случавшихся кощунственных выходок со стороны иноверных посетителей, в особенности лютеран и кальвинистов. Он заботливо собирал все сведения о чудесах при иконе Печерской Богородицы и мощах печерских святых, собственноручно заносил эти записи в особую книгу, придавая чудесным событиям широкую известность, и впоследствии эта книга, по

поручению Петра Могилы, была издана монахом Киево-Печерского монастыря Афанасием Кальнофойским, под заглавием «Тератургима, или чудеса, совершившиеся в Печерском монастыре и обеих его пещерах». Целью этих записей было опровергнуть утверждения униатов и иезуитов, будто в Православной Церкви не совершается более чудес, и показать, что Киево-Печерская обитель есть место особого присутствия благодати Божией и покровительства Пресвятой Богородицы. Все стороны деятельности Петра Могилы объединялись его убеждением в превосходстве православной религии над прочими христианскими исповеданиями — католичеством, униатством, протестантизмом — лютеранством, кальвинизмом и проч. Собирая и записывая сведения о чудесах, Петр Могила имел целью утвердить православных в их отеческой вере и посрамить тех, кто дерзал утверждать, будто бы в православии иссякла благодать Святого Духа за непризнание папского главенства (как говорили иезуиты и униаты) или за мнимое распространение суеверий (как говорили протестанты и их собратия всех оттенков). Петр Могила горячо заботился о восстановлении древних церковно-архитектурных памятников, о сохранении древних исторических документов, собирая и переписывая их, причем особенно те, которые показывали правоту православия и несостоятельность воззрений его противников. Киево-Печерская типография заняла самое первое место среди всех украинских и белорусских братских типографий, расширяясь и обогащаясь опытом, новыми шрифтами (польским, латинским) и техническими усовершенствованиями. В 5 1/2 лет настоятельства Петра Могилы лаврской друкарней было выпущено до 15 книг, написанных или переведенных самим архимандритом. Одни заглавия таких книг могут показать значительность писательской и издательской деятельности Петра Могилы. В 1628 г. вышел его перевод (с греческого) аскетической книги «Агапита диакона главизны поучительны»; в 1631 г. была напечатана «Триодь Цветная», с предисловием и объяснением церковных песнопений и историческим очерком о них; в том же году вышел сборник поучений Петра Могилы под заглавием «Крест Христа Спасителя и каждого человека». Далее выходит «Литургиарион си речь служебник», исправленный Петром Могойлой по греческим источникам и снабженный объяснением литургии; это был очень важный труд. Подробнее о заботах Петра Могилы о единообразии богослужения мы коснемся ниже, говоря о его «Требнике», а здесь отметим только, что в эти годы Петр Могила написал несколько канонов и церковных песнопений: канон к причащению священников, канон на исход души (отличается силой языка и яркостью благочестивого воображения); канон о творении мира, плач изгнанных из рая прародителей; молебное пение об освобождении православных христиан от бед, лежащих от сопротивных апостатов (т. е. отступников от православия); благодарственное песнопение по случаю избавления Киева от нашествия поляков в 1630 г. и другие. Все эти произведения, особенно важные во время их появления (они не потеряли своего значения и теперь), написаны хорошим церковно-славянским языком, могут служить образцом славянской церковной риторики и отмечены печатью выдающегося поэтического дарования и глубокого понимания духа церковных песнопений. Еще до получения митрополичьей кафедры, Петр Могила, зная силу и значение внешней стороны богослужения, заботился о чинном, торжественном и благолепном его отправлении в монастырских и вотчинных храмах, назначив для надзора за этим особое лицо, требовал от духовенства постоянных проповедей при богослужениях, надлежащей организации священных процессий, дабы и внешней своей стороной православное богослужение ничем не уступало пышности католического культа. Он установил еженедельный акафист пред иконой Печерской Богородицы, в Великий пост учредил так называемые пассии, службу в честь крестных страданий Господа Иисуса Христа, приспособив этот чин к духу православного вероучения. Принятые сначала только на Украине, пассии впоследствии распространились и в последнее тридцатилетие прочно вошли в практику всей Русской

Православной Церкви, сделались любимыми великопостными богослужениями в православных храмах.

III

Но самым важным делом Петра Могилы за годы его архимандритства было преобразование основанной Елисеем Плетенецким в 1616 г. Киевской братской школы в высшее учебное заведение, образцовое для всех духовных школ России до реформы их в 1867—1869 гг. До конца XVI века школ на Руси, Московской и зарубежной, было мало, но они все-таки были, как справедливо утверждают современные историки школьного образования в России⁴. Это были элементарные школы для обучения письму и чтению богослужебных книг (часослова и апостола). Со времени Люблинской государственной унии 1569 г. и особенно со времени церковной унии, объявленной в Бресте в 1596 г., в украинских и белорусских землях появляются иезуиты, поставившие себе целью присоединение к католической Церкви православных «схизматиков». Наиболее дальновидные руководители украинского и белорусского общественного мнения сознали неотложную необходимость для православных научного образования, так как, за отсутствием своих благоустроенных школ, православное население вынуждено было отдавать своих детей в католические, иезуитские школы, где они нередко, забывая веру отцов, постепенно теряли и национальную самобытность, или, как говорится в одном документе того времени, «вельми много зашкодило панству русскому, що не могли школ и наук посполитых расширять, и оных не фундовано; бо коли бы были науку имели, тогда бы за неведомостию своего не пришли до таковой погибели — не маючи своих наук, у науку римскую свои дети давати начали, а те с науками и веры их навькли, и так мало-помалу науками своими все панство русское до веры римской привели»⁵. То же должно быть сказано о молодежи и других слоев украинско-белорусского населения, попадавших в иезуитские школы. Ревнителями православия устроены были школы в Остроге, Львове, Вильне и других городах, где были организованы братства, и эти школы служили некоторым оплотом в борьбе православных с иезуитской пропагандой. Но до Петра Могилы они не поднимались до той высоты, какой требовала от них сложившаяся обстановка для успешной борьбы за свою веру с наступавшим католицизмом. Чтобы устранить вред от посещения православными иноверных коллегий, нужно было во что бы то ни стало поднять уровень образования в православных школах, подготовить квалифицированные кадры и не уступать поприще богословской и иной науки своим противникам. И эту задачу, эту реформу православных школ, в первую очередь киевской, и выполнил Петр Могила. Задача эта была очень нелегкой, прежде всего, при отсутствии достаточного количества подготовленных профессоров и преподавателей; кроме того и окружающая среда была мало подготовлена к восприятию расширенного круга школьных наук. Как потом среди московских грамотеев были такие, которые гордились своим невежеством и хвалились тем, что они «еллинских борзостей не текли, с риторами не сидели, философию ниже очима своима видели, изучая лишь книги благодатного закона, чтобы душу свою от грехов очистить», — так и среди украинско-белорусских ревнителей православия находились люди с подобным же образом мышления, подходившие к изучению латинских и греческих «борзостей» с таким же предубеждением. «Сила духа, — говорили они, — не в художестве вышнего наказания и философского постижения обретается, но верою смиренномудрия даруется. Хитроречием простоты и премудрость Божия бесчестится, крест Христов поруган бывает. Латинская премудрость есть прямая дорога к аду: риторика и прочие поганские хитрости суть дьяволово изобретение по ненависти к славянскому языку, плодоноснейшему и приятнейшему Богу. А посему, будем паче изучать богомолебный часословец, праведнословный псалтырь, смиренномудрый октоих, евангельскую и апостольскую проповедь, с толкованием простым и нехитрым, и прочие богослужебные книги, чтоб получить жизнь вечную, нежели постигать

Аристотеля красномовного, Платона велеречивого и другие вавилонские хитрости и с тем отойти в геенну огненную»⁶. Не мало тормозили развитие украинских и белорусских школ в польско-литовском государстве притеснения и ограничения со стороны правительственной власти, которая всячески старалась принизить эти школы, считая их рассадником схизмы и держа официально на уровне низших училищ. Львовское братство, например, тратило крупные суммы на подарки при королевском дворе, чтобы получить право преподавать в своей школе учебные предметы в несколько расширенном объеме. А чтобы добиться открытия высшей Коллегии, равняющейся по правам и программе высшей католической школе, требовались исключительная энергия, незаурядные организаторские и дипломатические способности, просвещенный ум, а главное, внутренний огонь ревности о вере отцов. И все это нашлось у архимандрита Петра Могилы. «Величайшей заслугой Петра Могилы, — говорит исследователь его деятельности, — является то, что он, пламенея любовью к просвещению, дал себе торжественную клятву снять с русского народа поношение научной отсталости и в течение всей своей жизни свято исполнял свою клятву, не щадя для этого собственных средств, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, не смущаясь никакими трудностями».⁷ Свое торжественное обещание водрузить знамя православной науки Петр Могила стал приводить в исполнение тотчас же по избрании его настоятелем Киево-Печерского монастыря. Прежде всего, он отправил в Константинополь к Патриарху, которого считался экзархом⁸, посольство, прося благословения на открытие в Киеве «латинских и польских училищ». Затем он избрал способных к книжному научению монахов и отправил их на свои личные средства за границу для обучения высшим наукам. Отправка за границу молодых ученых (в числе которых был Иннокентий Гизель, автор первого учебника по русской истории, так называемого Синописа), намерение открыть в Лавре высшую школу, отдельную от школы братской, вызвали у членов братства опасения, как бы высшая школа не сделалась рассадником ересей и не подорвала значение школы Богоявленского братства. Повидимому, тут действовала и закулисная агитация иезуитов, Коллегия которых находилась тут же на Подоле. Руководители и студенты иезуитской Коллегии обвиняли Петра Могила и его преподавателей в протестантизме, кальвинизме, а это, в свою очередь, давало оружие тем братчикам, которые не понимали, почему Петр Могила хочет открыть свою отдельную школу в Лавре, как бы в подрыв братской школе на Подоле. Петр Могила считал целесообразным открыть в Лавре свою отдельную школу и потому, что братчики в некоторых братствах противопоставляли себя владыкам, часто вмешивались в преподавание и делали это иногда неорганизованно и не всегда тактично, мешая подчас учителям вести преподавание. Первый учебный — 1631/1632-й — год эта высшая школа «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках» провела в Лавре, в бывшем больничном корпусе, недалеко от святых ворот, но затем Петру Могиле пришлось от своего намерения отказаться и соединить свою школу с братской. Киево-Печерский архимандрит поспешил уладить отношения с Богоявленским братством, записавшись в списки его членов, и был принят им «старшим братом, опекуном и фундатором того святого братства, обители и школ», как гласит собственноручная подпись Петра Могилы в реестре членов, сделанная 11 марта 1631 г. Он перевез из Лавры в Братский монастырь несколько деревянных зданий под квартиры для наставников, беднейших учеников поместил в бывшем странноприимном доме, устроив для них общежитие — бурсу; для содержания тех и других назначил две монастырские волости (Вишневецкую и Гнедич); для классных помещений построил двухэтажное каменное здание с «конгрегационной» церковью для учащихся. Много сделал Петр Могила для материального благоустройства своего Коллегиума, но еще больше для его внутреннего устройства. Можно смело сказать, что Киево-Могилянская Коллегия своим строем, бытом, организационными формами служила образцом для русских духовных семинарий в течение

всего XVIII века, да и в XIX веке не исчезло еще в русских духовных школах влияние ее традиций. За какие-нибудь 10—15 лет Киевская школа, реформирование Петром Могилой, поднялась так высоко, что далеко превосходила школы униатские и лучшие католические. Сами униаты должны были признать превосходство школ, организованных Петром Могилой⁹. Униат, а потом католик Кассиан Сакович, обращаясь к униатам, писал: «Что ваши училища? Они ничего не значат в сравнении с училищами отца Могилы, Киевским и Гойским!». И Петр Могила, в это время уже Митрополит, имел полное основание по этому поводу с удовлетворением заметить Саковичу: «Ты прав, когда признаешь, что в школах Киевской и Гойской учат хорошо, — учат в них, действительно, неплохо». Этот высокий научный уровень Киевской Коллегии, организованной Петром Могилой, высоту принципов, на которых она была основана, нельзя не подчеркнуть, говоря о самоотверженной работе Петра Могилы по распространению образования, говоря о его борьбе против иноверного и иностранного культурно-политического влияния иезуитов и их подголосков — униатов.

IV

2 марта 1631 г. скончался Митрополит Киевский и Галицкий Иов (Борецкий) и на его место был избран епископ Перемышльский и Самборский Исаия (Копинский). Вопрос о признании его и других иерархов, посвященных по просьбе Киевского братства для русского населения Польши Иерусалимским Патриархом Феофаном в его приезд из Москвы на Украину в 1620/1621 г., оставался неприемлемым для польского правительства, и православные волей-неволей должны были в этом вопросе отступить и выбрать новых архиереев. Митрополитом Киевским и Галицким и был избран Киево-Печерский архимандрит Петр Могила. Но заместивший Иова Борецкого Исаия Копинский никак не хотел отказываться от митрополии. Петр Могила принял свое избрание в митрополиты, не отступив перед возникшими препятствиями и трудностями всякого рода. Он тотчас же известил Константинопольского Патриарха о своем избрании и получил от него утверждение. Историк М. Грушевский, в своей истории Украины, описывая торжественные встречи нового Митрополита на его пути от Львова, где он принимал посвящение, до Киева, где его приветствовали речами, виршами, панегириками и т.д., замечает: «В лице Петра Могилы украинское население радостно приветствовало свою первую национальную победу после стольких лет смуты, неволи и унижений».

V

В начале апреля 1633 г. Петр Могила разослал грамоты православному населению, приглашая его прибыть в г. Львов или прислать депутатов на предстоящее посвящение его в митрополиты. Местом своего посвящения Петр Могила выбрал Львов, а не Киев, потому, что в Киеве находился Исаия Копинский, который не хотел уступать своего места и имел своих приверженцев. Во избежание недоразумений и возможных столкновений Петр Могила и решил принять посвящение в том городе, где хорошо знали и чттили, как его самого, так и весь его род, и где имел пребывание старейший православный иерарх Иеремия Тисаровский, старший, по хиротонии и по летам, экзарх Константинопольского Патриарха. К назначенному времени во Львов прибыли епископы Авраамий (Стагонский), Исаакий (Борискевич) и Паисий (Ипполитов), архимандриты, игумены, протоиереи и священники, православные из всех слоев населения. Посвящение Петра Могилы совершилось в главной Успенской церкви Львовского братства, только что отстроенной, на главе которой были начертаны имена главных жертвователей на строение храма, Симеона и Иеремии Могил, отца и дяди посвящаемого митрополита. По окончании торжеств Петр Могила прожил во Львове около двух месяцев и в конце июня торжественно, с преднесением креста, отправился на свою кафедру в Киев. С дороги он писал православной пастве послания, приглашая сопутствовать ему при въезде в Киев и присутствовать на освящении Софийского собора в Киеве, отобранного от униатов за

несколько дней до приезда в Киев Митрополита Петра. Петр Могила прибыл в Киев 7, — по новому стилю — 17, июля, принял и освятил вновь древнюю святыню Киева — Софийский собор — и приписные к собору церкви (Десятинную во имя св. Николая, Привратную во имя св. Симеона и Нагорную во имя св. Василия Великого). Затем было объявлено о «деградации» (низложении) Митрополита Исаии, которого привезли из Михайловского монастыря в Печерский, где имел жительство новый Митрополит. Петр Могила предлагал Исаии сохранить архиепископство чернигово-смоленское и настоятельство в нескольких монастырях, но тот никак не хотел уступать митрополю Петру Могиле, распространяя о нем клеветнические послания и грамоты, будто «митрополит Петр веры христианской отпал, а благословлен папой Римским в Патриархи; да и присягал-де он, Петр Могила, королю и всем панам радным и арцибискупам ляцким, чтоб ему христианскую веру ученьем своим попортить и уставить всю службу церковную по повелению Папы Римского и церкви христианские во всех польских и литовских городах превратить в костелы ляцкие, и книги русские все вывести». После нескольких попыток примирения, Петр Могила вынужден был содержать Исаию в Печерском монастыре, где он и умер 5 октября 1640 г. Положение Православной Церкви в Польше при Петре Могиле значительно изменилось к лучшему. Кафедральный Софийский собор с приписными к нему церквами, Выдубицкий и Пустынно-Николаевский монастыри и другие перешли в ведение православного митрополита, который принимал все меры к восстановлению, обновлению и благоукрашению собора, церковей и монастырей на радость православного населения. Восстановление Софийского собора, запущенного и опустошенного при униатах, началось с 1634 г. и продолжалось около 10 лет. Также был реставрирован Выдубицкий монастырь, обновлен главный храм Печерской обители во имя Успения Пресвятой Богородицы, восстановлена из развалин церковь Спаса на Берестове, построенная, по преданию, св. вел. князем Владимиром; «откопана» Десятинная церковь, сооруженная св. князем Владимиром и несколько веков лежавшая в развалинах. Не успев завершить реставрацию Десятинной церкви, Петр Могила завещал эту работу окончить после его смерти, оставив для этой цели сумму из собственных средств. На покрытие расходов по строительству храмов Петр Могила жертвовал много своих личных средств, средств Печерской Лавры, обращался за помощью и к единой Москве. Но, обращаясь в Москву с просьбами о пожертвованиях, Петр Могила прибавлял, что «паче всех прошений своих» он просит устроить и в Москве такой монастырь, при котором была бы открыта школа, подобная Киевской Коллегии, где бы «старцы и братия общежительного Киевского Братского монастыря обучали детей греческой и славянской грамоте». Это, как сообщают современники¹⁰, было сделано в Москве в 1634 г., а в 1649 г. приближенный царя Алексея Михайловича боярин Федор Михайлович Ртищев вызвал из Киева ученых иноков Киево-Печерского монастыря, учеников и питомцев Петра Могилы — Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, Дамаскина Птицкого и с помощью их открыл в устроенном им Андреевском монастыре школу для научения московской молодежи греческому и латинскому языкам. В 1685 г. в Москве была открыта Славяно-греко-латинская Академия по образцу Киево-могилянской, послужившая рассадником высшего и среднего духовного образования в России. Одним из первых шагов деятельности Митрополита Петра Могилы был выбор православного владыки для Перемышльской епархии, где оставался униат Крупецкий, который ни за что не хотел передать ее православному епископу, несмотря на решение сейма и королевский указ. На Перемышльскую кафедру был посвящен из Вольни украинец Гулевич-Воютинский. Петр Могила зорко следил и хорошо знал, что делалось в каждой из подчиненных ему епархий, ставя там подходящих людей, проводивших в жизнь его указания по укреплению Православия и к охране его от униато-иезуитской агрессии. Ко времени вступления Митрополита Петра Могилы на митрополю в Украинско-Белорусской Церкви накопилось

немало нестроений, требовавших планомерного, систематического и упорного исправления. Петр Могила последовательно, систематически ставил перед собой очередные задачи управления и видел возможность их разрешения не только во внешнем усилении церковной дисциплины, но и в повышении общего церковного правосознания, в уяснении истин Православной веры духовенством и мирянами, в более четком совершении всех видов православного богослужения. Он позаботился о выработке основных формулировок христианского вероучения в форме Катехизиса Православнокафолической христианской Церкви и составил полный сборник всех чинов православного богослужения в виде так называемого Требника. Петр Могила называл в своих посланиях священнослужителей «светом миру», «солью земли», «ангелами Господа Вседержителя» и т. п. и напоминал, что своей жизнью и делами они должны светить, смотреть, выполнять веления Божии, бодрствовать, иметь неустанное попечение об овцах, добре строить словом и примером своей жизни, избегая панования и скверных прибытков. Будучи восторженным приверженцем науки, Петр Могила придавал, однако, ей лишь второстепенное значение в служении богооткровенной Христовой Истине и в приобретении духовных преимуществ, приводя в пример «худогласного и косноязычного» Моисея, не учившихся наукам апостолов, себя самого: «По вся дни живота моего болезновал я сердцем, сознавая скудость познаний моих, но трудился в меру сил моих о укрепляющем мя Иисусе и, по благодатной помощи, трудился не вотще». Петр Могила требовал полного послушания своей власти, ибо сам он «всею душою» пред Богом и совестью своей обязался нести возложенные на него обязанности (как он сам говорит в предисловии к Апфологиону) и всех прекословящих, сопротивляющихся ему сравнивал с хищником-вороном, который не выполнил поручение Ноя и, оставив корабль, прельстился падалью, став причастником гниения и смерти. Петр Могила собирал духовенство на ежегодные съезды, проверял ставленные грамоты, требовал, чтобы священники не менее двенадцати раз в год исповедовали свои грехи, учредил для руководства и надзора протопопии (благочиния), поручая выявлять, нет ли в составе священнослужителей нарушителей канонов; при объездах своих благочиний протопопы должны были проверять, в должном ли состоянии находятся антимины, запасные Дары, престолы, алтари и самые храмы. Деятельность протопопов проверяли так называемые визитаторы, доверенные митрополита из ученых монахов. Ввиду обширности своей митрополии Петр Могила в помощь себе назначал наместников, которые были его представителями и исполнителями наиболее важных или спешных поручений. Постоянных наместников было два: один для земель «короны» (в основном, для Украины) и другой — для земель великого княжества Литовского (в основном, для Белоруссии). Были наместники и временные, назначавшиеся для проведения какой-нибудь экстренной меры или для заведывания делами епархии, временно почему-либо не имевшей епископа. На ежегодных епархиальных съездах должно было присутствовать все епархиальное духовенство, а особенно благочинные, отчеты которых заслушивались и обсуждались. Петр Могила и сам непрестанно посещал епархии, вверенные его руководству, пользуясь для этого своими поездками на общие сеймы, созывавшиеся в Кракове и Варшаве, а также делал специальные объезды епархий для ознакомления с положением дел на местах. Посещая Вильно, энергичный митрополит с особым удовольствием общался с братством Свято-Духовского монастыря, увидя плоды его большой работы еще на сейме 1632 г., когда представители этого братства, для защиты Православия, представили полный список и тексты королевских привилегий и патриарших грамот, выданных за три столетия, но к тому времени полузатерянных и полузабытых. Не избегал Петр Могила при своих объездах давать указания и по мелким вопросам, например, наставления просвирям, как должно печь просфоры. Для расследования проступков духовенства и суда над ним Петр Могила впервые в православном церковном управлении учредил консисторию, членами

которой назначались ученые монахи, знающие церковные каноны, учение Святых Отцов, а также светские законы государства; работу консистории направлял инстингатор, то есть секретарь-докладчик, докладывающий существо дел и предлагавший их решение, которое выносилось именем митрополита и утверждалось им. При такой системе управления были поставлены на свое место и те учреждения и лица, которые привыкли до этого к самостоятельным и бесконтрольным действиям по своему усмотрению, как-то: братства, светские князья-патроны, причем прерогативы власти киевского митрополита были значительно расширены Константинопольским Патриархом Кириллом Лукарисом при утверждении Петра Могилы в сан митрополита. Трудом Петра Могилы Киевская митрополия была поднята на такую высоту, что стали говорить об учреждении в Киеве особой Патриархии и возведении Митрополита Петра в сан Патриарха Малыя и Белья Руси.

VI

Петр Могила решил составить подробное изложение вероучения Православной Церкви, чтобы все могли знать, как учит Православная Церковь об истинах веры и нравственности и чем учение ее отличается от других Церквей и обществ. Существовавшие до того времени компендиумы такого содержания были написаны главным образом в связи с борьбой против разных ересей первых веков христианства. Но в середине XVII века эти заблуждения потеряли свою силу, а обличение их потеряло свою актуальность. Между тем появились новые христианские направления, зараженные боевым духом пропаганды, как лютеранство, кальвинизм и др. — и православные настоятельно нуждались в своем богословском руководстве. Особенно иезуиты и униаты укоряли православных, будто последние уклоняются в разные протестантские ереси и не в состоянии дать отчета в своих верованиях. Вопрос о составлении Катехизиса с изложением православного вероучения стоял особенно остро после того, как в 1629 г. в Женеве было издано под именем Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса «Восточное исповедание православной веры», содержащее, действительно, кальвинистические положения. В начале 1632 г. эта книга была напечатана уже в Константинополе и в 1633 г. снова — в Женеве (а Патриарх Кирилл не позаботился официально опровергнуть приписываемое ему авторство). Преемник Лукариса Патриарх Константинопольский Кирилл Веррийский в 1638 г. осудил «Исповедание веры», изданное под именем Кирилла Лукариса, а самого его осудил, как еретика. Это давало новые основания считать трижды уже напечатанное «Исповедание веры» не подлогом, каким оно было, а действительным сочинением Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса. Поэтому-то Петр Могила и решил составить православное исповедание Восточной Церкви. Как велась подготовка к этому ответственному делу, кто были помощниками Петра Могилы, в течение какого времени он проделал эту трудную работу, в подробностях неизвестно, но в 1640 г. проект Катехизиса был готов и представлен на рассмотрение Собора, созванного 8 сентября 1640 г. в Киеве, в кафедральном Софийском соборе, из делегатов всей митрополии. Председательствовал на Соборе Митрополит Петр, принимали участие епископы или их представители, а также наместники, архимандриты, протопопы, священники. 9 сентября началось чтение проекта Катехизиса. Вступительное слово произнес игумен Никольского монастыря Исаия (Козловский); в своем слове он указал, что Митрополит написал Катехизис с великой осторожностью и тщательным исследованием церковных Писаний и статьи этого Катехизиса полагает пред священным Собором. На заседаниях Митрополит Петр и игумен Исаия читали статьи, они обсуждались, исправлялись, принимались Или отвергались. На шестой день работы по выработке Катехизиса были закончены. Остальные заседания Собора были посвящены различным вопросам текущего управления. Собор закончился 18 сентября 1640 г. Принятый Катехизис был отправлен для рассмотрения и утверждения Константинопольскому Патриарху

Парфению, который, понимая исключительное значение этого документа для всей Восточной Церкви, передал его на рассмотрение более широкого церковного Собора в Яссах. На нем присутствовали представители не только Украинско-Белорусской, но также Греческой и Молдаво-Влахийской Церквей. Ясский собор пересмотрел Катехизис и после дебатов очистил его от сомнительных, неясных формулировок, или, как писал потом Иерусалимский Патриарх Нектарий, «по многих восстязаниях и толкованиях к концу благому приведоша, восчистивше тую хартию от всяких чуждых мыслей и новшеств». В окончательной редакции Катехизис был представлен Константинопольскому Патриарху Парфению и прочим восточным Патриархам (Иоанникию Александрийскому, Макарию Антиохийскому и Паисию Иерусалимскому), которые нашли Катехизис Петра Могилы правильным, содержащим истинные догматы Православной Кафолической веры, признали его исповеданием не только русских, но и всех православных христиан и утвердили его своими подписями 11 мая 1643 г. Несмотря на это, Петру Могиле не удалось самому полностью напечатать свой Катехизис, так как на патриаршей константинопольской кафедре произошли замешательства и утвержденного текста оттуда долго не присылали. Полный Катехизис Петра Могилы был напечатан лишь в 1662 г., через 19 лет после его составления, и притом в Амстердаме, а не в Константинополе и не в Киеве (бывшим переводчиком при султанском дворе, греком Панагиотом). Великое дело, сделанное по почину Петра Могилы, вошло потом золотым вкладом в сокровищницу православного богословия, но задержка в напечатании Катехизиса давала иезуитам и униатам повод с насмешкой говорить, что православные не могут на самые простые вопросы о догматах веры дать определенного ответа: «Ездили с Катехизисом в Валахию, вернулись домой, не кончив дела; из Константинополя до сих пор нет никакого решения, и неизвестно еще, что получится в результате таких продолжительных рассуждений; греки же не торопятся и, по слухам, говорят, что не Руси-де нас учить». И хотя 11 мая 1643 г. Катехизис Петра Могилы был, наконец, утвержден всеми Православными Патриархами, но печатание его откладывалось на неопределенное будущее новым Константинопольским Патриархом Парфением II. Не получая из Константинополя своего «Православного исповедания» в полном виде, Петр Могила напечатал его в сокращенном виде под заглавием: «Собрание короткой науки о артикулах веры православно-кафолической христианской, ведлуг вызнания (согласно исповеданию) и наук Церкви Св. Восточной, соборной и апостольской». Краткий Катехизис Петра Могилы был напечатан в Киево-печерской типографии сначала на польском языке, чтобы, как сказано в предисловии, «зажать рот бесстыдным клеветникам на Православие», а в 1645 г. — и на славянском языке «для просвещения и науки всем православным христианам, в школах просвещающимся под руководством и благословением старших». На обороте заглавного листа было помещено изображение Печерской иконы Богоматери, а внизу ее герб Петра Могилы с инициалами П. М. А. М. К. Г. Е. К. А. П., т. е. «Петр Могила, Архиепископ, Митрополит Киевский, Галицкий, Экзарх Константинопольский, Архимандрит Печерский». Вверху и внизу иконы величание на праздник Успения Богородицы: «Ангели, Успение Пречистыя видевшие, удивишася, како Дева восходит от земли на небо».

VII

Ренегат Православия Кассиан Сакович выпустил в 1642 г. на польском языке книгу под заглавием «Обзор заблуждений, ересей и суеверий греко-русской дезунитской церкви, находящихся как в догматах веры, так в совершении таинств, обрядов и церемоний». Автор использовал свое знакомство с церковной практикой Украинско-Белорусской митрополии и клеветнически обобщил отдельные ее недостатки. Книга Саковича не могла быть оставлена без ответа со стороны Православной Церкви, и ее архипастырь Петр Могила в своем ответном сочинении отразил все эти нападки. Ответ Петра Могилы был написан и издан с удивительной

быстротой, показывающей, как быстро и чутко он реагировал на всякие нападки врагов Православия, каким был зорким и надежным его стражем. В 1644 г., то есть не более чем через 1 1/2 года после выхода «Обзора» Саковича, в Киево-печерской типографии была напечатана, тоже на польском языке для большего удобства полемики, большая книга под заглавием: «Литое, или Камень, из пращи истины Святыя Православныя Русския Церкви смиренного пастыря Евсевия Пимена на сокрушение лживо-темной перспективы Кассиана Саковича». Современники считали автором «Камня» одного Петра Могилу, иезуиты указывали в качестве авторов Сильвестра Коссова, сотрудника и преемника Петра Могилы по Киевской митрополии, Иоасафа Колименты, образованного монаха Киево-Печерской Лавры, писателя, прошедшего Киево-могилянскую Коллегию, и других. Митрополит Московский Макарий (Булгаков) считает более вероятным, что составителем «Камня» был целый коллектив подвижников Петра Могилы, писавших под его общим и непосредственным руководством. «Сочинить такую объемистую книгу, как Литос, — пишет Митрополит Макарий, — и такого разнообразного содержания, требовавшую множества мелких справок, соображений и продолжительного труда, сочинить в какие-нибудь 15 или 18 месяцев один человек, нам кажется, не имел даже физической возможности при других неотложных архипастырских его занятиях»¹¹. Возможно, что, разбив книгу Саковича на несколько частей, Петр Могила поручил своей ученой дружине разобрать и опровергнуть порученную каждому часть, а сам держал только главную редакцию всего сочинения; и именно поэтому, может быть, «Литос, или Камень» вышел не с именем Митрополита Петра, а под псевдонимом «Евсевия Пимена», то есть, в переводе с греческого языка на русский, «Православного Пастыря». Так или иначе, но была составлена и вовремя опубликована полная апология Православной Украинско-Белорусской Церкви, можно сказать, ее боевая энциклопедия против нападений на нее униатов и иезуитов. Источниками и пособиями для авторов «Камня» послужил огромный материал богослужебных книг — греческих, римских, московских, постановления вселенских и поместных Соборов, творения Отцов и Учителей Церкви, как Восточной, так и Западной, сочинения церковных историков, жития святых, польские хроники, произведения текущей публицистики и религиозной полемики того времени. Главная цель «Камня» была — показать, что обрядность Греко-Русской Церкви основана на апостольском и древнеотеческом предании, а догматы и форма управления Восточной Церкви соответствуют в полной мере церковным канонам.

VIII

За две недели до своей кончины, 16 декабря 1646 г., Петр Могила успел издать еще одну книгу, имеющую доселе большое значение для Церкви. Он собрал, обработал и напечатал так называемый «Евхологион, альбо молитвенник, или Требник». Вот как он сам объясняет причины, заставившие его отдать остаток своих сил этому труду: «Твердо помня, что Спаситель наш Иисус Христос взыщет с меня словесных овец Своих, вверенных мне в паству, и постоянно видя, как противники наши и лжебратия тяжко оскорбляют православных разными обидами и клеветами, бесстыдно называют наших духовных неучами и невеждами в совершении божественных таинств и других богослужений, утверждают, что Русь Православная уклонилась в ересь, ни формы, ни смысла обрядов и божественных таинств не понимает, а в совершении их держится различных способов, — я, потрудившись по силам моим о укрепляющем мя Иисусе, предпринял устранить столь тяжкое поношение противников от православных тружеников Святыя Российския Церкви». Дело в том, что издания православного Требника, выходявшие во Львове, Острожске, Стряпине и Вильно, имели немало различных несогласий между собой, погрешностей, опечаток или таких исправлений, которые по существу являлись искажениями текста. Этим пользовались враги Православия, особенно иезуиты, бросая русскому населению насмешки и укоризны, убеждая его переходить в лоно католической Церкви, где, по их словам,

все приведено к единству, все исправлено, все управляется единым руководящим центром — Римом. Петр Могила имел целью дать православному духовенству надежное руководство в совершении таинств и др. церковных служб, в котором не было бы погрешностей и содержались бы священные чины на все случаи церковной, общественной и частной жизни. Он собрал из древних греческих и славянских рукописных требников (евхологиев) чинопоследования всех таинств, чины о принятии в Церковь: раскаявшихся еретиков, отступников, раскольников, иноверных, молебные чины за болящих, на исход души, погребение мирян, погребение священников, монахов и другие. Это составляло первую часть Требника Петра Могилы. Во второй части были помещены чины различных освящений: воды, церквей, монастырей, домов, крестов, колоколов, икон, священных сосудов, облачений, колодезей, кораблей, овощей и всякой снеди. Наконец, в третьей части Петр Могила поместил чины молебнов и молитвословий на разные случаи церковной, общественной и частной жизни: в день Пятидесятницы, в день Новолетия, на брань с супостатами, во время бездождия, голода, мора, пожаров, наводнения и т. д. Кроме самого текста богослужений, Петр Могила дал в своем Требнике подробные наставления священникам, как они должны готовиться и приступать к богослужению, как понимать смысл того или иного чинопоследования или какой-нибудь отдельной его части, почему-либо трудной для понимания или вызывавшей споры; указывает затруднительные случаи и дает их разрешение. В конце первой части Требника приложены шесть поучений Митрополита Петра Могилы в качестве руководства для священнослужителей. Внимательно пересматривая текст и исправляя ошибки старых евхологиев, Петр Могила ввел в свой Требник 37 новых чинов, не имевшихся в прежних требниках, но настоятельно необходимых в условиях борьбы с наступавшим католицизмом. Требник Петра Могилы содержит 126 чинов и имеет 1529 страниц листового формата. Подводя итоги совершенному им труду по Требнику, Петр Могила с полным основанием мог сказать, обращаясь к своей пастве, те слова, которые мы читаем в предисловии его Требника: «Ты имеешь теперь книгу, собранную убогим тщанием и трудом моего смирения; ты найдешь в ней чин отправления святых семи таинств церковных, науку об их силе и действенности, живой чин и порядок различных освящений, молитв и молебнов». Сколько времени Митрополит Петр работал над этим своим громадным трудом? Нет данных ответить на этот вопрос с желательной точностью. Всего вероятнее, он работал над ним в течение всей своей пастырской деятельности, ибо известно, что он собирал материал и работал над отдельными чинопоследованиями еще до посвящения на митрополию. Окончил же он свой многолетний труд в конце 1646 г. и работал над его изданием почти вплоть до самой своей кончины. Значение Требника, составленного Петром Могилой, и ныне очень велико для Церкви; и ныне к нему обращаются, как к авторитетному руководству, при разрешении спорных вопросов православной богослужебной практики.

IX

Но этим не ограничивались творческие планы Петра Могилы. Кроме составления Катехизиса православной веры, кроме составления полного Требника, кроме текущей литературной борьбы с наступавшими противниками Православия, Петр Могила был одушевлен желанием составить полную православную агиологию, с житиями всех святых, и уже достал на Афоне греческий список сочинений Метафраста, содержащих в себе необходимый для этого материал. Он собирался также приступить к изданию на славянском языке исправленной Библии, свободной от тех недостатков перевода, какие имеются в Острожском издании 1581 г., и уже делал необходимые для этого приготовления.

X

Через несколько дней после выхода Требника, 21 декабря 1646 г., Митрополит Петр Могила занемог и вскоре понял близость своей кончины. Он потребовал себе листы бумаги,

сделанной в его монастырской паперне, и приступил к составлению завещания. Здесь он пишет, что хочет предстать перед Престолом Божиим в чистоте исповедания святой православной веры, в которой родился, был наставлен и которой с любовью служил всю свою жизнь. Он выражает в завещании свою любовь к науке, к Коллегии, где готовятся работники нивы Божией. «Лишь только, — пишет он, — Господь Бог сподобил меня стать архипастырем митрополии киевской и еще прежде архимандритом Печерския Лавры, я, видя, что упадок веры и благочестия в русском народе происходит не от чего иного, как от недостатка у него просвещения и школ, дал обет Богу моему все мое имущество, доставшееся от родителей и остающееся от доходов по моему служению, обращать на восстановление разрушенных храмов Божиих, на основание школ, на утверждение прав и вольностей русского народа. И Господь Бог, по благодати Своей, благословил сей недостойный мой обет, так что я еще при жизни увидел великую пользу для Церкви Божией от тех наук, давших ученых и благочестивых людей на служение ей». Поэтому завещатель оставляет Коллегии, «как залог любви своей к ней», все свои денежные средства, всю свою библиотеку на разных языках, предносный серебряный митрополичий крест — «в вечный знак своей любви», облачения, дома, лично ему принадлежавшие в Киеве, столовое серебро и шелковые ткани для украшения академических зал и студенческих комнат. Остальное свое имущество он завещал Киево-Софийскому кафедральному собору, Киево-Печерскому монастырю, на возобновление монастырей и церквей, на основанную им богадельню для престарелых, не имеющих на склоне лет жизненной опоры. Свою комнатную обстановку, лошадей и экипажи он завещал своему брату, молдавскому господарю Моисею Могиле. В конце завещания Митрополит снова вспоминает о своей Коллегии, поручает ее покровительству знатных вельмож, в благородство которых верил по долголетней дружбе с ними — воеводе киевскому Адаму Киселю, воеводе минскому Александру Огинскому, кастеляну новгородскому Богдану Стеткевичу, князю Николаю Четвертинскому и другим. Петр Могила просит их после его смерти потрудиться, чтобы попечением их и покровительством «этот единственный залог Православной Русской Церкви вечно пребывал для умножения славы Божией и для просвещения сынов русского народа». Он завещает тело свое положить в Киево-Печерском монастыре, в великой Церкви, близ левого клироса между столбами, а по душе его совершать богослужение каждую неделю в четверг и ежегодно в день его кончины. Едва успев подписать свое завещание, Петр Могила скончался в ночь на 1 января 1647 г., к великой скорби всей Восточной Церкви, искренно оплаканный верной дружиной его сподвижников, наставниками и питомцами его любимой Коллегии, духовенством и верующими его обширной митрополии. Митрополит Петр Могила любил не почести своего высокого положения, а трудности своего высокого служения; никогда не отрываясь от действительности, он исходил вместе с тем из идеальных представлений о своем служении и с этой орлиной высоты обозревал вверенную его пастырству Церковь. Находя в ней многие нестроения, он принимал радикальные меры к их устранению. Он не боялся никаких трудностей, не щадил своих сил и оставил своей жизнью пример самоотверженного и многообразного служения Православной Церкви.

Примечания

Митрополит Макарий. История Русской Церкви, т. XI, стр. 615

Подробности см. в магистерской диссертации иеромонаха Николая Ярушевича (ныне Митрополита Крутицкого и Коломенского) «Церковный суд в России до издания Соборного Уложения 1649 года», в Приложениях. Петроград, 1917 г.

Друкарня Балабанов была заведена еще епископом Львовским Гедеоном Балабаном в его вотчине Стрятине, около Рогатина, когда он поссорился с Львовским братством; она лежала заброшенной, пока Плетенецкий не перевез ее в Киев и пустил там в ход около 1615 г. Первая книга вышла из этой друкарни в 1616 г.

См., например, книгу Константинова и Струминского, изданную Педагогической Академией (Москва, 1949 г.)

Акты Западной России. т. IV, № 149, стр. 204—205.

С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, Киев, т. I, стр. 424.

Украинская и белорусская Церкви считались в непосредственном подчинении у Константинопольского Патриарха, а архимандрит Киево-Печерской Лавры был подчинен ему экзаршески, совершенно не завися от Киевского Митрополита. Киевская митрополия была подчинена Московскому Патриарху только в 1686 г. при Митрополите Гедеоне (Святополк-Четвертинском).

Кроме Киевской, Петром Могилой была основана еще другая школа — в Виннице, в качестве подготовительной к Киевской: вскоре она была перенесена в местечко Гойечы, Луцкого повета, где владелица этого местечка Раина Соломерецкая основала мужской монастырь, подчиненный Киево-Братскому училищу.

Адам Олеарий в его труде «Путешествие в Московию».

Митрополит Макарий. История Русской Церкви, т. XI, стр. 602—603.